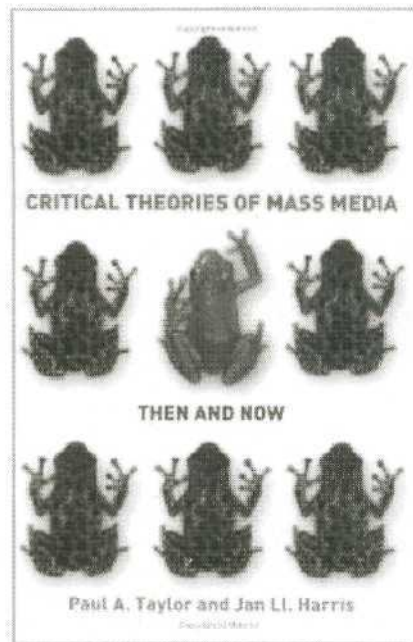

Критическое изучение медиа

Беседа Кишора Будды с Полом Тейлором

Доктор Пол Тейлор, редактор журнала «International Journal of Zizck Studies», в соавторстве с Йеном Л. Харрисом выпустил книгу «Критические теории масс-медиа: здесь и теперь». В интервью он предлагает перефокусировать изучение медиа на критику их основоположений и ставит ряд насущных вопросов об их педагогическом статусе в условиях, когда «передача» стала важнее, чем «коммуникация». Пол разъясняет, что он понимает под культурным популизмом, и объясняет необходимость заново осмыслить «здесь» текстов, чтобы помнить «сейчас». Беседа состоялась 2 апреля 2008 г.

Принято считать, что книги по коммуникациям и медиа никому не нужны; иными словами, считается, что такие книги приносят мало «пользы» в реальном мире стратегии и практики медиа и коммуникаций. В чём же значимость вашей книги?

Не вступая в пересуды, скажу, что основная цель книги состоит в том, чтобы показать, что позиция, о которой Вы сказали, на деле направлена не на акт коммуникации, но скорее на акт передачи. Другими словами, как Вы верно заметили, большинство современных авторов занимается «изучением коммуникаций» или «изучением медиа», которые мало что значат для тех, кто занимается тактикой или практикой медиа; в критической перспективе это скорее слабость, чем сила. Сущность коммуникации здесь выхолащивается. Коммуникация предполагает обмен значимой информацией и знаниями, тогда как передача озабочена лишь эффективностью отправки или получения данных. Исследования коммуникации склонны упускать из вида то основополагающее обстоятельство, что современные СМИ целиком являются передачей, а не коммуникацией.

В этом легко убедиться, посмотрев ежедневную программу новостей по телевизору; после каждого сюжета задавайте себе такие вопросы: что я из этого узнал? какой

© P. Taylor. K. Budha, 2008.

© А.В. Дьяков, перевод. 2008.

Редакция выражает благодарность д-ру П. Тейлору и г-ну К. Будде за любезно предоставленный материал.

видеоряд при этом использовался? почему мне рассказывают личную историю ведущих деятелей политики вместо того, чтобы предложить экономический и политический контекст события и т.д., и т.п. Вы не замедлите прийти к выводу, что телевизионная и газетная журналистика в большинстве своём следует неписанным правилам и руководствам, обеспечивающим привилегию тривиальному, зрелищному и торжественному перед глубокими и неоднозначными элементами мировой культуры и политики.

Академический дискурс и университетские факультеты также диспропорционально ориентированы на обучение студентов работе в такой ориентированной на передачу окружающей среде, вместо того, чтобы учить их критическому противостоянию этой системе.

Критикуя это пространство в своей книге, Вы используете термин «культурный популизм». Каково значение этого термина и почему нужно к нему прибегать?

«Культурный популизм» — это условное обозначение, которое я использую для описания некритических исследований культуры масс-медиа, склонных к превознесению того, что нравится аудитории, вместо того, чтобы выносить суждения по более важным вопросам; позиция «культурного популизма» характерна для сторонников «элитарности». Меня часто поражает та дурная вера, которую демонстрируют приверженцы академизма, притворяющиеся, что считают себя недостаточно компетентными, а потому не вправе судить о состоянии популярной культуры. Таких суждений особенно старательно избегают «левые», демонстрирующие тем самым свою «солидарность» с «людьми». Я часто сталкиваюсь с этим. Я нахожу эту позицию в высшей степени покровительственной, ведь она предполагает, что люди заслуживают лишь того, что им дают, и не любят предпринимать какие-либо усилия. Подлинная интеллектуальная солидарность требует а) признания того, что интеллектуалом вас делает именно стремление знать больше, чем средний человек, и способность к критике — иначе зачем нужно то, что вы пишете? и б) применение ваших знаний для демонстрации того, что люди заслуживают популярной культуры более высокого качества, нежели та шаблонная, невежественная дрянь, которую предлагают программы новостей.

С какими проблемами в наш век сталкивается тот, кто изучает коммуникации и медиа? Что можно предпринять в этой области? Большинство людей воспринимает «банальное» как нейтральную категорию, — Вы же, очевидно, рассматриваете её как мощную политическую силу. Не могли бы Вы это пояснить?

Главная проблема, как я уже говорил, заключается в стремлении сохранить status quo как со стороны тех, кто занимается практикой медиа, так и со стороны тех, кто их изучает. Например, если вы говорите с профессионалами медиа о том, почему те или иные вещи функционируют определённым образом, они зачастую отвечают: «потому что это делается именно так». Они учат других этой некритической философии, а это ведёт к ситуации, описанной несколько десятилетий назад Адорно, который утверждал, что работники и потребители принадлежат к культурной индустрии ещё до того, как станут её частью, потому что социальная среда в целом переполнена невопрошающим принятием и интернальной адаптацией. И студенты, попадающие в это пространство, получают не образование, а обучение. Университеты являются частью этой проблемы, а потому традиция образования несёт ответственность в первую очередь. Да, некоторые специальности требуют обучения: врачи и дантисты, например, должны владеть теми или иными практическими навыками, но я бы хотел, чтобы врач, которого я посещаю, знал теорети-

ческие основания биологии и мог думать о моих проблемах в рефлексивной манере. Это различие всё более и более утрачивается. В изучении медиа и коммуникаций, так же как и в других дисциплинах, акцент всё более переносится на «навыки», до такой степени, что у нас в Великобритании теперь есть министр «Инноваций, Образования и Технологий», а само слово «образование», я полагаю, в скором времени исчезнет.

Банальное не нейтрально, оно действительно представляет собой мощную политическую силу. Я использую этот термин для обозначения шаблонных сообщений медиа, будь то новости или развлекательная программа, а на деле — сплав того и другого, поскольку зрелищность сегодня пропитала и то, что обыкновенно классифицируют как «солидный дискурс», — политику и серьёзные дебаты. Так что теперь в новостях нам рассказывают о знаменитостях, новости персонифицируются и перегружаются легко-весными образами. Время от времени эта банальная система референций нарушается травмирующими событиями вроде 11 сентября или урагана Катрина, но очень скоро мертвящая рука банальности вновь ввергает зрителя в апатию.

Вы читаете некоторых авторов «против шерсти» — чем это объясняется?

Вальтер Беньямин и Маршалл Маклюен, как обычно считают, являются авторами «критическими», однако я в своей книге утверждаю, что в текстах обоих можно обнаружить основополагающие критические концепции, обеспечивающие «счастливым» доминирование в перспективе медиа и культурологии. Чтение их «против шерсти», таким образом, удовлетворяет двум основным задачам: 1) вскрывает критический потенциал, которым обладают их труды, невзирая на расхожие представления об интенциях этих авторов; 2) препятствует стремлению культурных популистов притупить критику, изначально высказываемую автором. Например, у Маклюена нередко можно обнаружить весьма критическое отношение к медиа (примеры Вы можете найти в нашей книге), но его очень трудно разглядеть, если вы полагаетесь на кооптацию Маклюена у многочисленных некритически настроенных авторов.

Что значат «тогдашние» критические теории для нашего времени? Полагаете ли вы, что они уместны при противостоянии студенты/преподаватели? Вы можете привести примеры?

Капитализм склонен заново изобретать колесо — как ещё вы сможете раз за разом продавать те же самые вещи? Аналогичным образом и мы можем упустить наработанное мыслителями прошлого в своём непрестанном поиске теоретической новизны. Если что-то работает, зачем же от него отказываться? Таким образом, я утверждаю, что критические мыслители прошлого нередко обращались к тем фундаментальным проблемам, которые встают перед нами сегодня, проявляя при этом глубокое понимание, а зачастую и гораздо более интересные способы их решения, нежели современные авторы (европейская гуманистическая традиция великих писателей под воздействием различных форм медиа деградировала до эссеистики). В качестве примера я бы указал на наделённого даром предвидения Адорно, который в своих трудах предложил критический анализ такого явления, как поп-идол. Точно так же и уничижительное описание общества спектакля у Ги Дебора более чем уместно для анализа политических событий современности. Вспомните о конфликте в Ираке с его зрелищными образами — низвержение статуи Саддама и т.п., — за которыми скрывается целый ряд проблем милитаристского порядка. Адорно, Дебор и иже с ними напоминают нам о тех основных

проблемах, с которыми мы сталкиваемся в нашу эпоху изошрённых медиа, которые, конечно, с тех пор прогрессировали, но сущность их осталась прежней, так что и прежняя критика остаётся в силе.

Как бы Вы ответили на обвинение в том, что ваша книга излишне пессимистична?

Я не переживаю из-за пессимистичности своей теории — возможно, потому, что я действительно несчастливый человек. Гораздо важнее, верна ли теория, проницательна ли она и хорошо ли выписана. Сочинения «счастливицков», о которых я уже упоминал, чрезвычайно озабочены тем, чтобы быть оптимистичными, в ущерб всем прочим качествам. Кроме того, среди приверженцев академизма распространено превратное представление о том, что теоретик должен предложить решение проблем, которые он обозначил. Теоретик вовсе не обязан этим заниматься. Теоретик или философ медиа — неважно, как вы его назовёте, — несёт ответственность за описание и анализ ситуации в силу своих способностей, и только потом возникает вопрос о возможных решениях. Когда студенты спрашивают: «Но, доктор Тейлор, как же вы можете жить с таким пессимизмом?», я, вместо того, чтобы давать им модный, постмодерный ответ, ссылаюсь обычно на книгу Экклезиаста (1:18): «Во многой мудрости много скорби, и умножающий знание умножает скорбь».

Вы полагаете, у критической теории есть будущее?

Несмотря на столь мрачный тон предыдущего ответа (а может быть, и благодаря ему), я полагаю, что у критической теории светлое или, быть может, слегка омрачённое будущее. Простите за нарциссизм, но я хотел бы рассказать о том, что недавно коллектив преподавателей университета Лидса организовал открытое выступление теоретика культуры Славоя Жижека. Оно состоялось во внеурочное время, когда большинство людей уже разъехалось, однако мы заполнили самый большой зал университета, и ещё 600 человек стояли в очереди, чтобы послушать предложенный Жижекком критический анализ современного состояния мира. По иронии судьбы, чем в большей степени нашу культурную жизнь захватывает банальность, тем больше людей стремится к критическому осмыслению первопричин наших проблем. Иллюстрируя этот тезис, я хотел бы процитировать заключительный пассаж из своей книги:

Когда в ООН рассуждали о том, стоит ли принимать резолюцию, оправдывающую второе вторжение в Ирак, в зале ООН в Нью-Йорке, украшенном гобеленом со знаменитой картиной Пикассо «Герника», была проведена пресс-конференция. Любопытно, что на время пресс-конференции гобелен прикрыли большим синим занавесом. Этому предлагали два объяснения:

1. Антивоенный посыл картины ставил в неудобное положение организаторов пресс-конференции о возможном военном вторжении, а потому они подвергли изображение цензуре.

2. Нейтральный синий фон больше подходил для телекамер.

Адорно утверждал, что культурная индустрия — «порнографическая и ханжеская», подразумевая, что она выступает против внешне непристойного (порнография и т.п.), но не способна противостоять более серьёзным человеческим порокам. Вторая из упомянутых версий предполагает со стороны медиа-цензоров автоматическую и бездумную политику, тогда как первая в перспективе критической теории выглядит более оптимистической, ведь она подразумевает, что политические деятели и брокеры от правительства ещё способны чувствовать стыд.

Перевод с английского А.В. Дьякова